

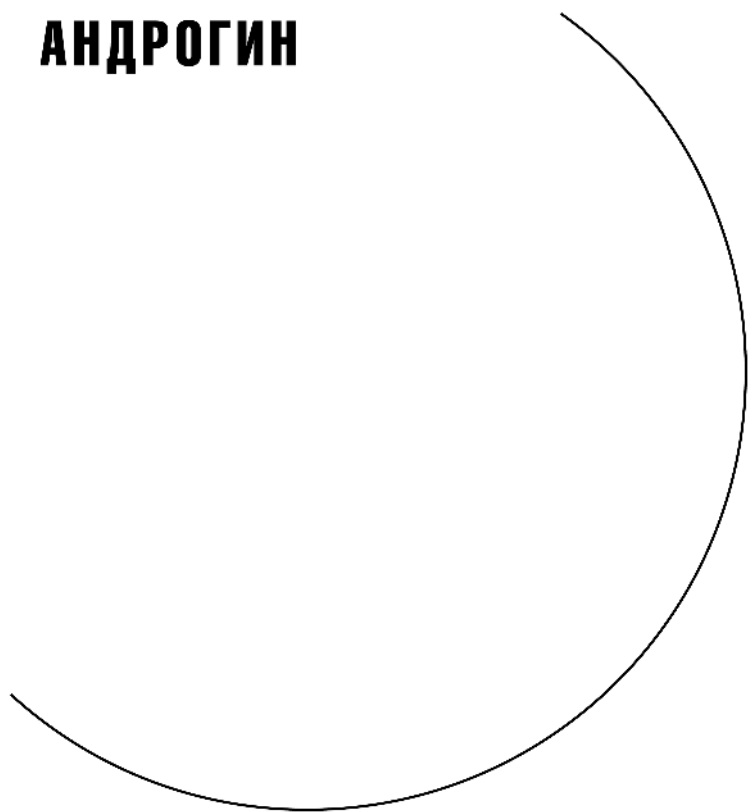


РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

БОЕВИК

Юрий Иванович

АНДРОГИН



МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И21

Разработка серии *С. Шикина*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете *Г. Дзямко*

Иванович, Юрий.
И21 Андрогин / Юрий Иванович. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Русский фантастический боевик).

ISBN 978-5-699-84119-6

Дарья Чернова не жаловалась на жизнь — жизнь у нее была яркой и насыщенной. Лишь одна нераскрытая тайна, вынесенная из детства, немного портила Дарье настроение. Ведь ее бабушка, умирая, завещала ей некий загадочный артефакт. Да вот только у Дарьи не было повода его опробовать в деле. Но повод случился. Смертельный диагноз врачей не оставил наследнице выбора. К счастью, артефакт сработал, перенеся женщину в загадочный мир летающих островов. Вернее, не саму Дарью, а только ее сознание. Все бы ничего, но при переносе сознание женщины оказалось сразу в двух телах — мужском и женском...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Иванович Ю., 2015
ISBN 978-5-699-84119-6 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

От автора

Советую читателям воспринимать данную книгу как приключенческую сказку для взрослых. Но как же без маленького пояснения? Сингулярность сознаний — это переход человека на некую высшую ступень своего развития. Представить этот переход, опираясь лишь на технологические новшества, — неправомерно. В первую очередь человек должен быть готов к этому психологически. Ну и, наверное, сама природа давно стала отбирать понемногу тех людей, которые готовы эволюционировать одним скачком. Только вот какими критериями отбора она пользуется? И каким получится этот скачок? Как он будет выглядеть в реальной жизни? Познание Вселенной — это не литр кваса выпить, можно и лопнуть от обилия новых познаний и ощущений. Вот и получается, что первыми по непроторенному пути пойдут те, кто сможет правильно видеть и ощущать не только себя. При этом нужно остаться собой и научиться воспринимать мир и вторым, и третьим, а затем и бесчисленными потоками сознания.

Вот мы и попытаемся представить, как это могло бы происходить в реальности.

ПРОЛОГ

Тяжёлая бронебойная стрела вонзилась чуть выше головы затаившегося Ариса, высекая искры из камня и обдавая лысый затылок каменной крошкой. В тот же миг раздался ликующий вопль лучника:

— Он там, в гроте!

Сомнений, что беглеца заметили и сейчас бросятся на него всей стаей, больше не осталось. Его поймут, но постараются при этом не убить. Потом будут пытки и жестокая церемониальная смерть. На иное надеяться глупо. Вряд ли среди ведущих погоню отыщется человек, симпатизирующий Арису Шенгауту. Вряд ли кто-то зарежет его незаметно для остальных, великодушно даруя лёгкую смерть. Все, кто может помочь, остались в посёлке.

Мучений парень не хотел. Да и кто захочет, будучи в своём уме? Лучше уж покончить с собой, да только с собой даже кинжала нет.

Потому Арис и решился на неожиданный прорыв. Выскочив из грота, он помчался совсем не туда, где мог выжить. Скорее он сразу обозначил свой путь к смерти: ринулся к ближайшему пробою. На краткий момент это шокировало преследователей и позволило промчаться между скалами и приближающейся цепью загонщиков. А там и скорость удалось увеличить, несясь к пропасти и собственной гибели.

Только вот дистанция оставалась немаленькой, и хуже всего, что шаман, зависший под медленно поднимающимся шаром бачьяна, сразу понял задумку Ариса:

— Бейте его камнями! — заревел он, словно раненый медведь. — Только камнями из пращей!

И прашники постарались от всей души. Да и меткостью сегодня они могли похвастаться, как никогда. Первый камень попал беглецу в плечо, поведя всё тело в сторону и заставив споткнуться. Шенгаут упал, но тут же, используя инерцию движения, сумел вскочить и броситься дальше.

Следующий камень повредил ему правую ногу, и он заковылял, сразу став прекрасной мишенью. Но всё равно шансы осуществить задуманное у него оставались. Следовало лишь преодолеть последний, средней крутизны склон. Но тут уже сразу два камня ударили в спину, вызывая частичный паралич всего тела. Напоследок камень ударил прямо в голову, срывая часть скальпа и лишая сознания.

Вот тогда уже Арис рухнул как подкошенный, покотившись вперёд, с довольно крутого склона. И наверняка не слышал, как радостно завопили преследователи. Бессознательное тело скатилось вниз и распласталось на небольшом козырьке, шириной в несколько метров. Загонщикам только и оставалось, что аккуратно спуститься, заарканить пленника, связать ему руки и вытащить наверх. Никто не сомневался, что он ещё живой и вполне сгодится для пыток. Да и шаман рядом, легко оживит полумёртвое тело. Поэтому все удивились, что распластанное тело вдруг легко поднялось и стало неуклюже топтаться на месте. Ткнулось окровавленным лицом в скалу, затем пошатнулось пару раз, готовое вновь свалиться, а руки стали подниматься, чтобы протереть залитые кровью глаза.

— Схватите его! — опять загремел голос шамана, поспешно опускающегося на землю. — Арканами! Быстрее, не то свалится вниз!

Ближайшие из преследователей не успели спуститься к козырьку. Да и пропасть пробоя, пронзающая все три парящих уровня, заставляла их действовать с повышенной осторожностью. Но некоторые всё-таки успели раскрутить свои арканы и метнуть их в сторону пошатывающейся фигуры. Увы, за момент до того повреждённая нога Шенгаута резко подогнулась, не выдержав веса израненного тела. Арис инстинктивно попытался удержаться, сделал два шага вправо, и петли арканов упали на пустое место.

Беглец упал на камни, да так неудачно, что под досадующий стон посельчан прокатился последний метр, на какой-то момент замер в шатком равновесии на самом краю, и...

Всё-таки рухнул в пропасть.

Минуты через две к краю козырька осторожно приблизились шаман и главный огневик посёлка. Всматриваясь в клубящиеся облака, которые закрывали расширяющийся далеко книзу пробой, они не прекращали разговор:

— Улизнул, гад! — кипятился шаман. — Но я его и оттуда достану! Принесу его голову этой сучке, а потом заставлю её жрать его кишки!

Огневик рассуждал с меланхолией мизантропа, равнодушного ко всему:

— Вряд ли ты отыщешь тело в гигантских манграх. Да и зверушки тамошние ждать не станут, сожрут останки твоего обидчика и не подавятся. Если сам к ним на обед не попадёшь раньше времени... И так ли обязательно издеваться отныне над молодой женой?

— Ладно, её я, может, и прощу... Но уж кости этого ублюдка я должен скормить сольерам!

— Не говори глупостей и не забывай про вольных охотников с Первого. Они ради развлечения пристрелят тебя или твоего бачьяна, и получится, что этот щенок отомстит тебе даже после своей смерти.

— Зато на Втором никого не видно, — тщательно всматривался шаман в показавшийся среди облаков край низлежащего уровня. — И если я проскочу вниз...

— Ради костей погибшего придурка? И с риском не догнать нас? Ну, знаешь ли!..

После чего огневик отстранился от края и двинулся по склону вверх. Шаман ещё покривился с досадой, прорычал забористое проклятие, плюнул вниз и тоже поплёлся следом за приятелем. Месть состоялась, но совсем не так, как ему хотелось бы. И даже над трупом нельзя надругаться, потому что его нет. Но делать нечего, опускаться на поверхность планеты было бы и в самом деле глупо и безрассудно.

Жармин стояла на берегу реки, всматривалась в проносящиеся мрачные воды Таниссы и прислушивалась к шуму срывающегося с края земли Последнего водопада. Точно так же в её душе клубилось горе, хотелось лить слёзы и, словно водопад страшным рёвом, оплакивать свою горемычную судьбу.

Только некому было услышать и уж тем более пожалеть молодую, но истерзанную женщину. Родители погибли, когда ей было пять лет. Остальные родственники угорели во время лесного пожара, когда ей было двенадцать. А не успело Жармин исполниться восемнадцати, как жестоко и подло убили любимого мужа, единственного защитника и опекуна в этом мире. После этого прошло чуть больше года, и вот она уже поругана и обесчещена, избита, ограблена и морально уничтожена, стоит на берегу реки у Последнего водопада и... надеется на чудо.

А может, и не надеется... Просто хочет умереть. Устала жить, перестала ждать, утратила веру.

Но так хочется чуда. Старики утверждали: кто войдёт в воды Таниссы и вольтётся с нею в Последний водопад, попадает в собственное прошлое ровно на пятнадцать лет назад. Только для исполнения этого желания надо истово верить в Светящуюся, молиться ей, привлечь её внимание к себе щедрыми дарами и жертвоприношением.

У Жармин не было ни даров, ни жертвенного барана. И хуже всего — у неё не было веры в богиню. Совершенно. Ни капельки. Ну разве что самая маленькая частичка сознания верила, что можно вернуться назад, спасти родителей, родню, а затем и любимого. Заново прожить эти пятнадцать лет счастливой, здоровой, в окружении самых, самых, самых...

Увы! Не суждено. Наверное...

Женщина подняла свой взгляд к нависающему краю Средней земли, всмотрелась в светящиеся каменные выступы далёкого свода и попыталась рассмотреть лик Светящейся. Многие хвастались, что им это удавалось. Они в тот момент загадывали желание, которое обязательно исполнялось. Главное было не наглеть, как обучили священные фиоллы, желать скромно, в меру, тогда всё получалось.

Несчастной Жармин никогда не везло. Не повезло и сейчас увидеть богиню. Но всё равно она готова была так стоять и ждать вечность. Потому что никуда не спешила, умереть никогда не поздно. Если бы не ветер... Морозный порыв леденящего прикосновения домчался со стороны свинцовой тучи, несколько часов упорно догоняющей остров. Почти догнала... Кажется, руку протяни — и зачерпнёшь густой, чернеющей каши прямо в ладонь... Скорее всего и Нижнюю землю острова снегом припорошит. Всё-таки на этих широтах сейчас зима. А что будет творить-

ся внизу, в болотах и мангровых лесах, представить трудно. Там наверняка несколько часов, а то и дней будет свирепствовать пурга, все засыплет толстым ковром снега и начнётся обычное для болотников наводнение.

«Опять многие погибнут, — вдруг пожалела Жармин совсем незнакомых ей людей. Взгляд опустился ниже, где за кромкой обрыва уплывали вдаль бескрайние леса мангровых гигантов. — У них хлипкие лодочки, утлые шалаши и совсем ненадёжные укрытия в кронах деревьев. Нет никого в этом мире, кому жилось бы хуже, чем болотникам, — и сама себе возразила: — Есть. Это — я. Мне хуже всех, потому что я одна. И потому что сейчас умру...»

Воспоминания о тех, кому хуже всех на планете, неожиданно разбудили в душе не только сострадание, но и жажду к жизни. В сознании появилась мысль:

«Я ведь свободна и могу уйти в другой город. Добраться до пробоа, а там заработать на подъём в Срединные земли. Ведь каких только сказок о них не рассказывают...»

Странно устроена человеческая психика. Только что Жармин хотела умереть, не видя для себя никакой перспективы в будущем, а тут раз, подул ледяной ветер, стало холодно — и расхотелось прыгать в бездушные речные воды. Несуразный испуг вдруг закрался в душу: до водопада совсем недалеко, метров двадцать, но вдруг она сразу утонет? Или зацепится за речное дно? Или течение затянет под камни?

Она не умела плавать, но для задуманного изначально этого и не требовалось. А тут стало очень страшно. Поэтому Жармин шевельнулась, сбрасывая с себя оцепенение и пытаясь шевельнуть окочевшими конечностями. Она изменила своё решение, но...

Судьба редко меняет предназначенное простым смертным. Озябшее тело не послушалось хозяйку, качнулось совсем не в ту сторону. Ступня, оставленная слишком далеко по склону валуна, соскользнула, и Жармин рухнула в воду.

То, что руки и ноги окоченели, ей скорей помогло, чем помешало: не пришлось панически барахтаться, погружаясь на дно. Лёгкие свело судорогой, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Потому и промчалась последний отрезок реки, не захлебнувшись. Но когда вместе с Последним ухнула вниз, умирающее сознание успело подумать:

«Может, я и вернусь на пятнадцать лет назад...»

ГЛАВА 1

О бабушке Марьяне у Дарьи на всю жизнь осталось двоякое впечатление. Старую Марьяну, хоть той ещё и шестидесяти не исполнилось, все соседи без исключения называли ведьмой. За глаза, конечно же. Потому что в лицо подобное заявить боялись. А скорее всего стеснялись. Даже маленькие подружки Дарьи, беззаботные и радостные, играя у них во дворе, сразу непроизвольно стихали, а то и старались спрятаться, только лишь старуха появлялась на крыльце дома. В такие моменты подспудный страх овладевал и родной внучкой, хотя она не раз пыталась бороться с ним, убеждая себя, что бабушка самая лучшая и самая добрая.

В том, что бабку Марьяну побаиваются и считают ведьмой, имелись вполне житейские причины, ни в коей степени не касающиеся фамилии Чернова. Виноватыми считались два шрама. Они делали лицо старушки слишком уж безобразным, отпугивающим, особенно для тех, кто не знал Марьяну ближе. Однако дома, в семье, не было человека милее, роднее и желаннее. Маленькая Даша любила и на коленях у бабули посидеть, и на кровати одной с ней спать, и в игры поиграть, и кушала лучше всего под негромкие Марьянины наговоры и причитания.

А еще маленькая Даша любила слушать сказки. Бабулька не просто умела их рассказывать, она слов-

но жила ими, и при повествовании словно приоткрывала двери в иной, манящий волшебный мир. Причём мир свой, личный, не для всех доступный, словно самой ею созданный.

Став взрослой, да и в девичестве, Дарья не раз читала подобные сказки и поняла, что не такая уж бабушка и выдумщица, а описанные ею миры не столь и фантастичны. Большинство рассказанного можно было почерпнуть в книгах, фильмах, от своих бабушек и дедушек. И всё-таки! Всё-таки там оставалось слишком много загадок и тайн, дивных растений и неведомых зверушек, нереальных персонажей и несуществующих земель. И существовала самая главная тайна, которой бабушка делилась со своей внучкой не раз и не два и которая красной нитью скрепила их особенную дружбу.

— Как умру, Дашенька, постарайся всё сделать, всяко исхитриться, но вот это мраморное яйцо у меня изо рта достать. И припрятать для себя. Потому что оно дарует человеку новую жизнь после смерти.

Так она увещевала в первый раз, когда внучке ещё и семи не исполнилось. Когда та стала взрослеть и задавать вопросы, последовали объяснения:

— Так отец твой и слушать меня не хочет. Не верит ни одному слову. Ещё и ругается... Упустила я его воспитание, упустила... Да и не было меня рядом в тот момент.

Постепенно и сама инструкция применения удивительного, хоть и простенького на вид раритета, закрепились в сознании маленькой девочки. Тем более что дело казалось проще некуда:

— Как только человек осознает смерть свою подступающую, должен положить яйцо в рот и терпеливо ждать. Сам положить, самостоятельно, без посторонней помощи. Если он ошибся с определением своего последнего часа, ничего не случится... А вот